

ПАРФЕНОВ В.Н.,
доктор исторических наук, профессор

ДОЛГОЕ ЭХО ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ: ДОМИЦИАН И РОДСТВЕННИКИ ИИСУСА ХРИСТА «ПО ПЛОТИ»

В 70 году римскими войсками был взят Иерусалим и разрушен Второй Храм¹. В 73 году пала Масада, последний оплот восставших. Великое восстание 66–73 годов, именуемое античными авторами Иудейской войной (*bellum Iudaicum*), завершилось полным разгромом инсургентов, ознаменовав как важный этап «рассеяния» (διασπορά) евреев по всему миру, так и окончательное размежевание иудаизма и христианства.

Наши основные источники указывают, что важную роль в идеологии восставших играло убеждение, что именно в это время из Иудеи должен выйти властелин мира². По словам Иосифа Флавия (*Bell. Iud. VI. 312 (5.4)*), это «двусмысленное пророчество» (χρησμός ἀμφίβολος) содержится «в священных книгах» (ἐν τοῖς ἱεροῖς γράμμασιν) евреев. Под таковыми, как нетрудно догадаться, верующий

¹ Все указанные в статье даты относятся ко времени после Рождества Христова.

² Самый близкий по времени к этим событиям источник – Иосиф Флавий: ὡς κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἀπὸ τῆς χώρας αὐτῶν τις ἄρξει τῆς οἰκουμένης (*Bell. Iud. VI. 312 (5.4)*). Тацит (*Hist. III.13.2*) повторяет его почти дословно: eo ipso tempore fore ut valesceret Oriens profectique Iudaea rerum potirentur. По словам Светония, это было давно распространенное на Востоке твердое убеждение, что выходцам из Иудеи суждено править миром: Percrebuerat Oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis ut eo tempore Iudaea profecti rerum potirentur (*Suet. Vesp. 4.5*).

еврей, каким являлся Иосиф, мог понимать только произведения Ветхого Завета. Его современник Тацит (*Hist.* III.13.2) также указывает, что данное прорицание «содержится в писаниях древних жрецов» (*antiquis sacerdotum litteris contineri*). Отсюда можно заключить, что он был знаком с произведением Иосифа и черпал информацию именно оттуда.

Как Иосиф Флавий, так и Тацит со Светонием подчеркивают, что евреи ошибочно истолковали данное пророчество, в действительности относившееся к Веспасиану, который именно в Иудее был провозглашен императором³. Однако эти авторы не упоминают о том, что, если верить Евсевию Кесарийскому, Веспасиан после взятия Иерусалима распорядился разыскать всех потомков царя Давида, «чтобы у иудеев не осталось никого из царского рода»: Οὐεσπασιανὸν μετὰ τὴν τῶν Ἱεροσολύμων ἄλωσιν πάντας τοὺς ἀπὸ γένους Δαυίδ, ὡς μὴ περιλειφθεῖη τις παρὰ Ἰουδαίοις τῶν ἀπὸ τῆς βασιλικῆς φυλῆς, ἀναζητεῖσθαι προστάξει (*Euseb. Hist. Eccl.* III.12).

Насколько можно доверять этой информации? В светской исторической науке Евсевий пользуется не очень надежной репутацией — подчеркивается, что «Церковная история» написана в первую очередь с апологетической целью и, «кроме того, она засорена противоречиями, ошибками и умолчаниями, которые позволяют ставить многое в ней под сомнение»⁴. Это вполне может относиться и к отданному (или якобы отданному) Веспасианом распоряжению о розыске (и, естественно, последующем уничтожении) всех потомков Давида.

³ *Ios. Bell. Iud.* VI.313 (5.4): ἐδήλου δ' ἄρα τὴν Οὐεσπασιανοῦ τὸ λόγιον ἡγεμονίαν ἀποδειχθέντος ἐπὶ Ἰουδαίας αὐτοκράτορος. Tac. *Hist.* III.13.2: quae ambages Vespasianum ac Titum praedixerat. Suet. *Vesp.* 4.5: Id de imperatore Romano, quantum postea eventu paruit, praedictum...

⁴ *Humphries M.* Early Christianity. L.; N.Y., 2006. P. 190.

К сожалению, в данном случае степень правдоподобия или неправдоподобия сведений Евсевия можно оценить только с точки зрения здравого смысла. В принципе, ничего нереального в стремлении Веспасиана произвести «полную зачистку политического поля», ликвидировав потенциальных лидеров нового антиримского движения среди иудеев, нет. Отраженное в наших источниках настойчивое стремление Флавиев показать, что популярное на Востоке древнее пророчество уже исполнилось и мир получил новых хозяев в их лице, может как раз свидетельствовать о серьезном беспокойстве по этому поводу.

Таким образом, Веспасиан вполне мог принять превентивные меры — «на случай, если кто-то попыбует составить конкуренцию светскому Мессии — ему самому»⁵. Что касается происхождения иудейского Мессии именно из Дома Давидова, предсказанного пророками (см.: Ис. 9, 6–7; Иер. 23, 5), то такого рода информация отнюдь не являлась закрытой, заинтересованные лица вполне могли почерпнуть ее хотя бы из Септуагинты и предпринять соответствующие действия, которые Евсевий (*Hist. Eccl.* III.12) характеризует так: «По этой причине на иудеев вновь поднялось величайшее гонение» (μέγιστόν τε Ἰουδαίοις αὖθις ἐκ ταύτης διωγμὸν ἐπαρτηθῆναι τῆς αἰτίας). В таком случае под μέγιστος διωγμός должны пониматься розыскные мероприятия, результаты которых остаются неизвестными, за одним примечательным исключением, о котором пойдет речь ниже.

Дело было уже в конце правления Домициана, последнего из династии Флавиев. В «Хронике» блаженного Иеронима (*Chron. Hieron.* 274 F) под 96 годом указывается: «Домициан приказал истребить тех, кто были из рода Давида, чтобы в будущем никто не унаследовал Иудейского царства» (Domitianus eos, qui de genere David erant,

⁵ Levick B. *Vespasian*. L.; N.Y., 1999. P. 149.

interfici praecipit, ut nullus Iudaeorum regni reliquus foret). В «Церковной истории» Евсевия содержится та же информация: Τοῦ δ' αὐτοῦ Δομετιανοῦ τοὺς ἀπὸ γένους Δαυὶδ ἀνααιρεῖσθαι προεστάξαντος... (*Hist. Eccl.* III.19).

Исходящая из двух источников информация, казалось бы, заслуживает доверия. Однако в действительности источник один, поскольку в основе своей «Хроника» блаженного Иеронима является переводом на латинский язык одноименного сочинения Евсевия, греческий оригинал которого не сохранился. Следовательно, придется вновь исходить из «презумпции невиновности», то есть принципа доверия к сообщаемым источником сведениям, если нет веских оснований подозревать противоположное.

В таком случае позволительно считать, что соответствующее распоряжение Веспасиана, если оно имело место, либо не было выполнено, либо его исполнение оказалось настолько неэффективным, что привело к необходимости продублировать императорский эдикт при Домициане⁶.

Соответственно, едва ли еврейские общины в Палестине и диаспоре проявили особое рвение в выдаче римским властям потомков царя Давида; можно смело предположить, что дело должно было обстоять прямо противоположным образом. Однако тут же необходимо сделать оговорку: лишь в том случае, если члены царского рода относились к числу ортодоксальных иудеев, — и тогда становится понятным тот единственный известный случай, когда представители рода Давида все же попали в руки римлян.

О дальнейшем Евсевий (*Hist. Eccl.* III.19) сообщает следующее: «Древнее предание утверждает, что некоторые

⁶ В принципе, это не столь уж необычно, если для сравнения вспомнить, что, к примеру, известный эдикт самого Домициана о виноградниках остался без последствий потому, что сам император не проявил особой настойчивости в его выполнении — *nes ehequi rem perseveravit* (*Suet. Dom.* 7.2).

из еретиков донесли, будто внуки Иуды (бывшего по плоти братом Спасителя) происходят из рода Давида и что они являются родственниками Самого Христа».

Здесь выражение «некоторые из еретиков» (τῶν αἱρετικῶν τινάς) представляет собой явный анахронизм — еще С. Гзель предположил, что если эта история вообще имела место, то внуки Иуды могли быть выданы не «еретиками», которых тогда просто не существовало, а правоверными иудеями, поскольку «после взятия Иерусалима иудеи относились к христианам, в которых они видели ренегатов и предателей, всё более враждебно»⁷.

Из Евангелий мы знаем, что Иисус Христос, во исполнение древних пророчеств, происходил из рода царя Давида (см.: Мф. 1, 1; 6–16; Лк. 1, 27, 32). Естественно, это распространялось и на его родственников «по плоти» (κατὰ σάρκα), которые, согласно эдиктам Веспасиана и Домициана, подлежали уничтожению.

Однако затем события приняли неожиданный оборот. Повествуя о них, Евсевий приводит пространную цитату из Гегесиппа, раннехристианского автора, оригинал произведения которого утрачен (ταῦτα δὲ δηλοῖ κατὰ λέξιν ὧδέ πως λέγων ὁ Ἡγήσιππος). В силу важности этой информации, русский перевод цитаты придется привести полностью: «Еще оставались из рода Господня внуки Иуды, называемого по плоти братом Господним. На них указали как на потомков Давида. Эвокат привел их к кесарю Домициану: тот боялся, так же, как и Ирод, пришествия Христа. Он спросил их, не из рода ли они Давидова; они сказали, что да. Тогда спросил, какое у них состояние и сколько денег у них в распоряжении. Они сказали, что у них, у обоих, имеется только девять тысяч денариев, из которых каждому причитается половина; они у них

⁷ *Gsell S. Essai sur le règne de l'empereur Domitien / Thèse de doctorat. P., 1893. P. 314.*

не в звонкой монете, а вложены в тридцать девять плетров земли⁸. Они вносят с нее подати и живут, обрабатывая ее своими руками. Затем они показали свои загорелые руки в мозолях, свидетельствовавшие о тяжком труде и непрестанной работе.

На вопрос о Христе и Его Царстве, что это такое, где и когда оно явится, они ответили, что оно не от мира и будет не на земле, а на небе с ангелами и явится при свершении века, когда Христос, придя во славе, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому за его жизнь.

Домициан, не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу, а гонение на Церковь прекратил указом.

Освобожденные стали во главе Церквей как мученики и как происходящие из рода Господня. Времена настали мирные, и они дожили до воцарения Траяна» (Euseb. *Hist. Eccl.* III.20.1–6. Пер. М. Е. Сергеевко).

Отношение тех немногих исследователей, которые обращают внимание на это сообщение, можно назвать скорее нейтральным; во всяком случае, степень его достоверности они предпочитают не оценивать⁹.

С. Гзель указывает, что, с одной стороны, кажется, будто рассказ носит характер легенды и сам Евсевий не уверен в его достоверности, оговорившись, что, мол, существует такое старинное предание (*παλαιὸς κατέχει λόγος*), и цитируя далее Гегесиппа.

⁸ Плетр (*πλέθρον*) – мера площади, видимо равная здесь римскому югеру (2518,88 кв. м). 39 плетров составляют 98236,32 кв. м, т.е. немногим менее 10 гектаров.

⁹ Ср.: Weynand. Flavius (Domitianus) // Pauly A., Wissowa G., Kroll W. u.a. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1909. Bd. 6. Sp. 2578; Barnes T.D. Legislation against the Christians // *The Journal of Roman Studies*. 1968. Vol. 58. Pts. 1–2. P. 35; Keresztes P. The Jews, the Christians, and Emperor Domitian // *Vigiliae Christianae*. 1973. Vol. 27. № 1. P. 26. Note 82.

С другой стороны, по мнению того же исследователя, данное предание не выглядит совершенно невероятным. Христиане действительно видели в Святом Семействе потомков царя Давида; пророки давно возвещали, что Мессия будет происходить от этого царя, предсказание это часто повторялось и пользовалось полным доверием. Родственники же Иисуса очень уважались значительной частью населения Иудеи, иудео-христианами, для которых они, после смерти или исчезновения избранных Христом апостолов, были единственными, кто представлял Господа. Но в стране, большинство жителей которой ожидало спасения от потомков Давида, претензия на происхождение от царского рода являлась, с точки зрения римских властей, угрозой общественной безопасности. Поэтому не исключено, что внимание Домициана было действительно привлечено к этим персонажам¹⁰.

К этому можно добавить, что Гегесипп сообщает вполне конкретные детали, которые было бы затруднительно выдумать. В частности, обоих внуков Иуды доставляет к императору эвокат (τούτους ὁ ἠουοκᾶτος ἤγαγεν πρὸς Δομετιανὸν Καίσαρα) (HE. III.20.1). Эвокатами (латинское *evocati*) в римской армии именовались, говоря современным языком, солдаты-сверхсрочники, которые изъявляли желание продолжать службу по истечении положенного срока. В императорскую эпоху эвокатов отбирал сам император, и они должны были выполнять его приказы и поручения, в том числе весьма деликатного характера (к примеру, распоряжения о тайных убийствах без приговора суда (*die Ausführung von Blutbefehlen*)). Кроме того, эвокаты могли занимать различные должности, причем не только военные¹¹. В данном случае миссия по доставке

¹⁰ См.: *Gsell S.* Op. cit. P. 313 suiv.

¹¹ *Fiebiger.* *Evocati* // *Pauly A., Wissowa G., Kroll W. u. a.* *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Stuttgart, 1907. Hbd. 11. Sp. 1149 f.

арестованных в Рим из Иудеи, несомненно, носила секретный характер и ее целесообразно было поручить именно такому служаке — опытному, исполнительному и не задающему лишних вопросов.

Сам «протокол допроса» императором внуков Иуды тоже выглядит вполне правдоподобно (до судебного процесса дело явно не дошло). Из Светония мы знаем, что Домициан в некоторых случаях имел обыкновение лично допрашивать заключенных (Suet. *Dom.* 14.4). Правда, можно усомниться в том, что, как уверяет Евсевий, император, наподобие царя Ирода, страшился пришествия Христа (ἐφοβεῖτο γὰρ τὴν παρουσίαν τοῦ Χριστοῦ ὡς καὶ Ἡρώδης) (Euseb. *HE.* III.20.1): С. Гзель справедливо указал, что арест родственников Иисуса объяснялся не их религиозными убеждениями, а политическими амбициями, которые им приписывали¹².

Чтобы понять логику дальнейших действий Домициана, необходимо хотя бы сжато остановиться на его отношении к религии вообще и к иудаизму в частности.

Проблема эта хорошо изучена в современной западной науке. Подчеркивается, что немалую роль в религиозной политике последнего Флавия играли его личные качества. Нельзя не согласиться с тем, что после неожиданной смерти своего предшественника Тита новым принцепсом стал «эгоцентричный и ожесточенный человек», который долго ожидал верховной власти и, получив ее, стремился во всех сферах деятельности продемонстрировать свою исключительную компетентность¹³. Сфера религиозная не стала исключением, и тем интереснее бросить на нее хотя бы беглый взгляд.

¹² См.: *Gsell S.* Op. cit. P. 314.

¹³ См.: *McFayden D.* The Occasion of the Domitianic Persecution // *American Journal of Theology.* 1920. Vol. 24. №. 1. P. 49; *Kneissl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen, 1969. S. 56.

Принято считать, что Флавию, пришедшие к власти в результате кровопролитной гражданской войны, стремились всеми средствами доказать, что достойны императорской власти. Веспасиану и Титу сделать это было намного проще хотя бы потому, что они появились в Риме уже в ореоле военной славы — качества, которое для римлян с незапамятных времен являлось приоритетным.

Домициан до начала своего принципата (и по независящим от него причинам) военными заслугами похвастаться не мог, быстро наверстать упущенное было невозможно, тем более что спустя считанные годы после принятия им верховной власти Римская держава столкнулась с затяжным внешнеполитическим кризисом, самым тяжелым со времени истребления германцами римских легионов в Тевтобургском лесу еще при Августе.

Поэтому Домициан, уделяя максимальное внимание защите державы от внешнего врага (достаточно отметить, что именно он положил начало традиции личного участия императора в военных действиях), не пренебрегал и другими средствами для повышения своего престижа. Религии принадлежала здесь не последняя роль.

В этом отношении Флавию вообще и Домициан в особенности проявляли подчеркнутое уважение к государственной религии, прежде всего к культу Капитолийской Триады — Юпитера, Юноны и Минервы. Восточные культы их интересовали мало, за исключением Сераписа и Исиды, перед которыми у них были особые обязательства. Кроме того, Домициан, в отличие от отца и брата, испытывал явный интерес к культу своей персоны, что сочеталось у него со стремлением извлечь максимальные дивиденды из обожествления своих покойных родственников и создать в глазах общества представление о Флавию как эффективных верховных магистратах, действо-

вавших и действующих исключительно ради блага государства¹⁴.

В религиозной сфере Домициан продвинулся дальше своих предшественников в том отношении, что в какой-то степени идентифицировал себя с Юпитером, причем со вполне определенной целью: «Связь культов Юпитера и императора должна была соединить в умах подданных два образа — высочайшего бога и могущественнейшего человека, создав у них представление, которое возвышало императора как минимум до положения божества»¹⁵. Инновация здесь заключалась в том, что «император впервые официально объявил о своем положении представителя Юпитера на земле — новый Александр, избранник величайшего из богов, космократор...»¹⁶.

Вместе с тем стремление Домициана придать своей персоне сакральный характер вовсе не свидетельствует о мании величия. Б. Джонс справедливо отметил, что, внушая подданным представление о своей сверхчеловеческой сущности, сам император был достаточно умен и привержен традиционной религии, чтобы понимать, что богом он не был¹⁷.

¹⁴ См.: *Charlesworth M.P.* Providentia and Aeternitas // *Harvard Theological Review*. 1936. Vol. 29. №. 2. P. 127 f.; *Scott K.* The Imperial Cult under the Flavians. N.Y., 1975 (repr. 1936). P. 90; *Waters K.H.* The Second Dynasty of Rome // *Phoenix*. 1963. Vol. 17. №. 3. P. 209; *Keresztes P.* Op. cit. P. 22; *Brent A.* The Imperial Cult and the Development of Church Order. Concept and Images of Authority in Paganism and Early Christianity before the Age of Cyprian. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 176; *Newlands C.E.* Statius Silvae and the Poetics of Empire. Cambridge, 2004. P. 17; *Leberl J.* Domitian und die Dichter. Poesie als Medium der Herrschaftsdarstellung. Göttingen, 2004. S. 51 ff.; *Alston R.* Aspects of Roman History, A.D. 14–117. L.; N.Y., 2005. P. 137; *Pfeiffer S.* Die Zeit der Flavier. Vespasian – Titus – Domitian. Darmstadt, 2009. S. 124; *Suess J.* Divine Justification: Flavian Imperial Cult. Diss. Oxford, 2011. P. 140.

¹⁵ *Leberl J.* Op. cit. S. 52.

¹⁶ *Susplugas M.* Les monnaies de Domitien, témoins de sa politique // *Latomus*. 2003. T. 62. Fasc. 1. P. 109.

¹⁷ См.: *Jones B.* The Emperor Domitian. L.; N.Y., 1992. P. 109.

Пожалуй, можно согласиться с Ф. Тэггером в том, что Домициан стремился сформировать представление о себе следующего характера: «Не богочеловек, но опекаемый богами и поэтому более чем просто человек, носитель судьбоносной миссии и потому священный и достойный высших форм почитания — именно в таком облике видел себя сам Домициан и должно было видеть императора его окружение...»¹⁸.

Что же касается иудаизма и иудеев, то его отношение к этому народу и его религии у власти не могло не быть подозрительным — Иудейская война оставила по себе долгую память. К этому присоединялось еще и вполне субъективное обстоятельство: как с полным основанием указал еще Д. Мак-Фейден, Домициан по натуре своей был нетерпим к любой оппозиции¹⁹. Поэтому можно согласиться с Маргарет Уильямс — существует достаточно доказательств того, что этот император относился к евреям и их религии как минимум с антипатией²⁰.

Однако необходимо учитывать, что, как бы там ни было, иудаизм относился к разряду «дозволенной религии» (*religio licita*). Правда, после падения Иерусалима Веспасиан установил, что все иудеи старше 20 лет должны были вместо взноса в храм Яхве платить налог в том же размере (1/2 сикля = 2 денариям) в пользу храма Юпитера Капитолийского (*Ios. Bell. Iud. VII.218 (6.6)*). Налог этот, по словам Светония (*Dom. 12.2*), взимался неукоснительно (*acerbissime*)²¹, но к его исправным плательщикам претензий, надо полагать, не было.

¹⁸ *Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Stuttgart, 1959. Bd. 2. S. 356.

¹⁹ См.: *McFayden D.* The Occasion of the Domitianic Persecution. P. 62.

²⁰ См.: *Williams M.H.* Domitian, the Jews and the Judaizers: A Simple Matter of Cupiditas and Maiestas? // *Historia*. 1990. Bd. 39. H. 2. P. 204 f., 209.

²¹ См.: *Goodman M.* Nerva, the Fiscus Iudaicus and Jewish Identity // *Journal of Roman Studies*. 1989. Vol. 79. P. 40–44.

Чтобы понять всю неординарность решения Домициана в отношении внуков Иуды, «брата Спасителя по плоти» (τοῦτον δ' εἶναι ἀδελφὸν κατὰ σάρκα τοῦ Σωτῆρος), необходимо учесть, что в те времена «христианство рассматривалось языческим миром в первую очередь как иудейская секта...»²². Иудейская война не могла поэтому не повлиять на отношение власти к новой религии. Еще Р. Ю. Виппер отметил, что «имперское правительство, крайне обеспокоенное большим восстанием, не различало оттенков среди иудейства, причисляя сектантов к общей массе инсургентов и сочувствующих восстанию. Поэтому сектантов преследовали вместе с другими иудеями...»²³.

До восстания Рим мог позволить себе известный либерализм в отношении Иудеи и иудеев диаспоры, хотя в Палестине из-за перманентно взрывоопасной ситуации «римские власти старались держать под наблюдением все религиозные споры». Если рассматривать довоенную ситуацию в Восточном Средиземноморье в целом, то, вероятно, права И. С. Свенцицкая и в том, что «для римских властей на местах христиане были всего лишь одной из многих существовавших в ту пору религиозных групп, и интересовала власти только степень их лояльности»²⁴. Иллюстрирует этот тезис поведение проконсула Ахайи Галлиона, брата философа Сенеки: римский наместник отказался разбирать спор ортодоксальных иудеев

²² *McFayden D.* Op. cit. P. 46.

²³ *Vipper Р.Ю.* Рим и раннее христианство. М., 1954. С. 110. Того же мнения итальянский историк-марксист А. Донини: «Репрессии обрушивались не только на христиан, но и на приверженцев любого культа и любого учения, которые возбуждали подозрения в подрыве безопасности государства и общественного порядка» (*Донини А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) / Пер. с итал. М., 1979. С. 184).*

²⁴ *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. С. 162 сл.

с апостолом Павлом, сославшись на свою некомпетентность в подобных вопросах (см.: Деян. 18, 12–16).

Если вернуться к тексту Гегесиппа, то заметно, что Домициана в данной ситуации интересовало прежде всего, в какой степени реальный экономический вес его потенциальных конкурентов можно было конвертировать в политические амбиции. Их ответ, что на двоих у них имеется девять тысяч денариев (ἐννακισχίλια δηνάρια), причем не наличных, а вложенных в земельную собственность, его явно успокоил — с такими средствами затеять мятеж было бы нереально. Мозолистые руки родственников Иисуса Христа усилили впечатление и убедили императора в их искренности.

Отсюда следующий вопрос, уже на отвлеченную, с его точки зрения, тему: что собой представляет Царство Иисуса Христа. Этим он, очевидно, стремился выяснить, насколько опасна для власть имущих идеология христиан. Услышав, что Царство это грядет на небесах, да еще «в конце времен» (ἐπὶ συντελείᾳ τοῦ αἰῶνος γενησομένη), Домициан окончательно успокоился. Наступил момент, когда нужно было решать участь арестованных.

Этот император вошел в историю с репутацией «тирана» в первую очередь из-за расправы с целым рядом представителей римской аристократии; достаточно отметить, что он не остановился перед казнью своих двоюродных братьев, Флавия Сабина и Флавия Клемента. О причинах репрессий и степени их обоснованности здесь нет возможности рассуждать, поэтому придется ограничиться вскользь брошенной, но точной ремаркой М. Гранта, констатировавшего, что «Домициан редко бил наугад»²⁵.

Казалось бы, ничто не мешало римскому цезарю отдать распоряжение о казни двух иудеев уже в силу отме-

²⁵ Грант М. Двенадцать цезарей / Пер. с англ. М., 1998. С. 241.

ченной выше его антипатии к этому народу и его религии или, что называется, просто на всякий случай, благо «нейтрализация» потомков царя Давида предписывалась двумя императорскими эдиктами (Веспасиана и самого Домициана).

Вместо этого император приказал освободить обоих арестованных и, кроме того, специальным эдиктом прекратил преследование христиан (Tertullian. *Apolog.* 5.4; Euseb. *Hist. Eccl.* III.20.5). Очевидно, Т. Д. Барнс прав, считая, что наш источник ставит во взаимосвязь эти два события: «Гегесипп полагает, что Домициан остановил гонение, когда увидел и освободил членов семьи Иисуса, которые были крестьянами-фермерами, вероятно, в Палестине»²⁶.

Следовательно, они смогли убедить императора по крайней мере в двух вещах: их собственной безобидности для власти, а также в безвредности веры в Иисуса Христа, новой религии, в отношении которой Домициан, видимо, понял, что она, выйдя из недр иудаизма, вступила в конфронтацию с ним и уже поэтому может быть полезна Риму.

По словам Гегесиппа, «Домициан, поняв, что в отношении них нет ничего [компрометирующего], пренебрежительно счел их слишком незначительными людьми²⁷ и отпустил на свободу, а гонение на Церковь повелел прекратить» (ἐφ' οἷς μηδὲν αὐτῶν κατεγνώκοντα τὸν Δομετιανόν, ἀλλὰ καὶ ὡς εὐτελῶν καταφρονήσαντα, ἐλευθέρους μὲν αὐτοὺς ἀνεῖναι, καταπαῦσαι δὲ διὰ προστάγματος τὸν κατὰ τῆς ἐκκλησίας διωγμόν).

Так как на проблеме так называемого второго гонения на христиан и связанных с ним вопросах автору этих строк

²⁶ Barnes T.D. Op. cit. P. 35.

²⁷ В переводе М.Е. Сергеенко – «глупцами», однако такой перевод термина εὐτελής не вполне корректен, поскольку искажает смысл оригинала.

уже приходилось останавливаться²⁸, то здесь имеет смысл лишь напомнить, что специфически антихристианского законодательства при Домициане еще не существовало, об общеимперском гонении в его время не может быть и речи, хотя имели место какие-то репрессивные меры, которые могли затронуть адептов новой религии.

По мнению С. Гзеля, объяснялись эти репрессии тем, что в Риме было божество, которое почиталось повсюду, — это был сам император. Но те, кто был обращен в иудаизм или христианство, в отличие от других, не признавали его божеством, и для Домициана большего преступления не могло быть. Власть не могла позволить, чтобы мятежные настроения — отказ почитать императора и богов Римского государства — распространились повсюду. Поэтому прозелиты иудаизма и христианства повсюду разыскивались и строго карались²⁹.

Исследователь обращает внимание на то, что преследовались главным образом отнюдь не христиане иудейского происхождения, поскольку наиболее видные из них были императором освобождены, хотя они открыто признались в своей вере. Главный удар обрушился на прозелитов языческого происхождения, которых власти намеревались преследовать и запугивать. Это, впрочем, не исключает гипотезы, что определенное количество иудеев было затро-

²⁸ См.: *Парфенов В.Н.* Император Домициан и христиане. К оценке современного состояния проблемы // Труды СПДС. Саратов, 2013. Вып. VII. С. 168–184; *его же*: Христиане рядом с императорским тронном? К вопросу о вероисповедании Флавия Клемента и Домициллы // Труды СПДС. Саратов, 2014. Вып. VIII. С. 144–156; *его же*: Трагедия династии Флавиев: «дело» Флавия Клемента // III Сиротенковские чтения: материалы Международной научной конференции. Армавир, 2015. С. 32–39; *его же*: Последние из Флавиев. К вопросу о судьбе второй императорской династии Рима // Иресиона. Античный мир и его наследие. Сб. науч. тр. к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 126–133.

²⁹ См.: *Gsell S.* Op. cit. P. 312.

нуто этим преследованием — за религиозную пропаганду в пользу иудаизма или христианства: «Они были наказаны не за их личные религиозные убеждения, а за обращение в новую веру, производимое ими среди язычников»³⁰.

С точки зрения французского исследователя, «при Домициане императорская власть впервые продемонстрировала свою волю — остановить распространение иудейской религии и христианства, которое из нее вышло. Он, как и в прошлом, терпел, чтобы евреи оставались привержены своим верованиям, но не хотел допускать, чтобы эти верования свободно распространялись среди населения римского мира. В новообращенных он с полным основанием видел врагов национальной религии, культа императора-бога, культа, который в определенной степени был нитью, связующей подданных Рима. Он видел в них нечестивцев и поэтому свирепствовал против них, сколько мог»³¹.

Пол Керестеш, как и Стефан Гзель, главную причину репрессий видит в стремлении иудеев приобрести новых адептов своей религии и отрицает антихристианскую направленность действий Домициана: «Весьма активные прозелитические усилия евреев вызывали многочисленные трения между императорской властью Рима и иудаизмом. Дело в том, что это была не просто религия... Она включала в себя настолько важный политический компонент, что если бы он был реализован, то привел бы к завоеванию мира еврейским народом. Целью еврейского прозелитизма было “израилизирование” мира (The aim of Jewish proselitism was to ‘israelize’ the world), не только путем усвоения новообращенными еврейских обычаев и социальных практик, но и призывом к ним “денационализировать” самих себя и стать частью еврейской нации. Легко увидеть, что еврейский прозелитизм подорвал бы всю римскую систему.

³⁰ Ibid. P. 314.

³¹ Ibid. P. 315.

Римская оппозиция еврейскому прозелитизму понятна, и скорее удивительно отсутствие против него даже более жестких репрессивных мер»³².

С. Гзель признает вероятность того, что прекращение гонения Домицианом незадолго до своей гибели действительно имело место, будучи своего рода психологическим экспериментом: «Возможно, Домициан прекратил гонение за какое-то время до смерти; он, несомненно, надеялся, что прозелиты христианства и иудаизма, прочувствовав все опасности после этих страшных ударов, возвратятся к национальной религии»³³.

Конечно, такая рабочая гипотеза имеет право на существование, но необходимо заметить, что о прекращении преследования иудейского прозелитизма в наших источниках нет ни слова: Тертуллиан и Евсевий (Гегесипп), как нетрудно убедиться, указывают только на прекращение гонения на Церковь³⁴. Поэтому представляется более вероятным другое объяснение тактики Домициана.

Император, будучи ревностным приверженцем традиционной римской религии (с добавлением культа его собственной персоны), был серьезно обеспокоен выходом иудаизма за рамки чисто этнической религии, каковой он являлся со времени возникновения. Беспокойство это не в последнюю очередь объяснялось практическими соображениями — радикальный иудаизм стал идеологией восстания в Палестине 66–73 годов, и не было никакой гарантии от повторения этих событий, причем в более широком масштабе, с вовлечением в них иудеев диаспоры.

³² *Keresztes P.* Op. cit. P. 12.

³³ *Gsell S.* Op. cit. P. 315.

³⁴ *Temp'taverat et Domitianus, portio Neronis de crudelitate; sed qua et homo facile coeptum repressit, restitutis etiam quos relegaverat* (Tertullian. *Apolog.* 5.4). *Δομετιανόν... καταπαῦσαι δὲ διὰ προστάγματος τὸν κατὰ τῆς ἐκκλησίας διωγμόν* (Euseb. *Hist. Eccl.* III.20.5).

Убедившись в результате допроса доставленных к нему родственников Иисуса Христа, что знаменем возможного антиримского мятежа в Палестине и за ее пределами новая религия не станет, Домициан не только освободил их, но и распорядился прекратить преследование христиан и вернуть из ссылки уже репрессированных.

Разумеется, меньше всего подобный «либерализм» можно объяснить тем, что последний Флавий уверовал в Христа. Но в том, что он, будучи, при всех своих пороках, человеком умным и проницательным, понял и решил использовать принципиальную разницу между иудаизмом и христианством, сомневаться не приходится. Как представляется, он счел, что рационально было противопоставить «новую секту» иудейским радикалам и, в случае успеха такой конфронтации, выбить у последних почву из-под ног. Отсюда и дальнейшая судьба внуков Иуды, «брата Господа по плоти».

Обширная цитата из Гегесиппа завершается фразой: τοὺς δὲ ἀπολυθέντας ἠγήσασθαι τῶν ἐκκλησιῶν, ὡς ἂν δὴ μάρτυρας ὁμοῦ καὶ ἀπὸ γένους ὄντας τοῦ Κυρίου, γενομένης τε εἰρήνης, μέχρι Τραϊανοῦ παραμεῖναι αὐτοὺς τῷ βίῳ (Euseb. *Hist. Eccl.* III.20.6). Следовательно, оба освобожденных, прежде жившие трудом своих рук, возглавили христианские общины по двум причинам: благодаря репутации мучеников и в силу своего родства с Господом.

После вынужденной аудиенции у Домициана они едва ли были обделены вниманием римской администрации «по месту жительства», тем более что, как указывает Иосиф Флавий (*Ios. Bell. Iud.* VII.217 (6.6)), Иудея после подавления восстания была обращена в императорскую собственность. Таким образом, положение, которое после возвращения из Рима заняли внуки Иуды, должно было

быть санкционировано местной властью, которая, в свою очередь, не могла не информировать об этом Домициана.

Косвенно изменение отношения римских властей к христианам, предписанное императором, подтверждается еще одним фактом: стоящее в *genetivus absolutus* выражение γενομένης τε εἰρήνης относится ко времени от избрания родственников Иисуса Христа главами христианских общин до *dies imperii* Траяна. Соответственно, оно обозначает не только принципат Нервы (18.09.96–27.01.98), непосредственного преемника Домициана, но и заключительный период правления последнего. Следовательно, уже при Домициане для Церкви «наступило мирное время», которое из-за убийства императора заговорщиками оказалось непродолжительным.